

НАРОДНЫЕ ПЕСНИ И ТАНЦЫ В СВАДЕБНОЙ ОБРЯДНОСТИ КИТАЯ И БЕЛАРУСИ: СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Дин Шуюэ

*соискатель кафедры белорусской и мировой художественной культуры
УО «Белорусский государственный университет культуры и искусств»
(Республика Беларусь, г. Минск)*

В свадебной обрядности белорусского и китайского народов за многие столетия выработался свой особый национальный свадебный ритуал, традиции которого в большей или меньшей степени сохранились и в настоящем. В свадебных обрядах и обычаях обоих народов существуют региональные и местные особенности, которые проявляются в разнообразных ритуальных действиях, песнях, танцах, костюмах и т.п.

В старом Китае заключение брака сопровождалось «...весьма сложным и растянутом во времени комплексом обрядов, отражавших важнейшие стороны традиционной культуры и общественной жизни китайцев» [1, с.176]. Традиционно, в комплекс свадебной церемонии входило «шесть обрядов», а именно: «нацай», «вэньмин», «нацзи», «начжэнь», «цинъци» и «иньцин». По традиционным китайским представлениям, все браки заключались на небесах Лунным Стариком, и не встретить своего суженного было невозможно. Такой фатализм присущ и белорусскому народу, чьи предки также считали, что «всё в руках Божьих», что по судьбе назначено, так оно и случится. Это ярко отражалось в белорусских пословицах и поговорках: «Лес і за печкай знойдзе», «Суджанага канем не аб'едзеш» и т. д. [2, с.321].

И у белорусов, и у китайцев сватовство затрагивало интересы всей семьи (чаще всего – экономические). Роль сватов и в Беларуси, и в Китае очень важна. В Китае сватов называли «бин жень» («человек льда»). В городах чаще были профессиональные свахи, а в деревнях на эту роль приглашали мужчин из местных жителей. Как говорится в песнях «Шицзина»: «Когда топориче ты рубишь себе — // Ты рубишь его топором. // И если жену избираешь себе — // Без свах не возьмешь ее в дом» [3, с.116].

В белорусских деревнях сватом выбирали уважаемого человека, счастливого в семейной жизни, красноречивого и хитрого. Сватом мог стать родной дядя жениха или близкий друг его семьи. В Китае, если сватовство было успешным, семья жениха высылала невесте украшения и другие подарки, что в просторечии называлось «юэдин» – «малое соглашение». После этого семьи жениха и невесты обменивались брачными поручительствами, которые писались на бумаге красного цвета (этот цвет считается в Китае счастливым). Для юноши письмо украшалось изображениями дракона, для девушки – фениксом. В этих поручительствах сообщались подробные сведения о будущих новобрачных и их семьях. В контексте данной статьи важно отметить, что, по замечанию Е.Ф. Карского, на белорусских землях «песен при сватовстве не поют никаких; не бывает и хора» [4, с.259].

Сваты, зайдя в дом к родителям невесты, обычно не говорили прямо о

цели прихода. Они представляют себя торговцами или охотниками, или еще кем-нибудь, описывают, что привело к дому невесты. Например, за покупкой чего-нибудь, или заблудились по дороге или хотят купить у них что-либо. Эта часть свадебного обряда имеет театрализованный формат, что не свойственно для китайской свадьбы.

И в китайской, и в белорусской свадьбах во время сватовства, смотрин происходило близкое знакомство двух семей, а временные расстояния между действиями давались для обдумывания. Народная мораль обязывала соблюдать честность и порядочность при заключении брачных договоров. В белорусской свадьбе, когда после первых двух встреч молодые имели право нарушить данное слово, то после помолвки это считалось невозможным.

Начальная часть белорусской свадьбы по причине расставания невесты с родительским домом, подругами, грёзами переполнена напряженных переживаний, иногда даже – отчаяния и страха: «Плачу, плачу до вытрусь, // Да, да мамоньки я возвращусь» [5, с.6]. Е. Карский приводит записанную П.В. Шейном народную свадебную песню белорусов: «... Не щипайте меня, гуси серые! // Не сама я к вам залетела // Не своею охотою // Занесло меня буйным ветром // Крупным дождем, непогодушкой» [4, с.266].

Порядок исполнения свадебных песен китайской народности ту должен соответствовать порядку свадебных обрядов, которые начинаются, как и у белорусов, с обряда сватовства. Некоторые отрывки песен сватов используются в качестве «вставных слов» и не имеют определенного значения, некоторые используются для наименования этапов свадебного обряда, например, обычаев «ругать сватов» или «изменять прическу девушки» (обряд изменения прически). Содержание песен, помимо описания порядка выполнения свадебных обрядов, также связано с описанием жизни исторических личностей, мифами, легендами и старинными обычаями. В целом, плачь невесты – характерная часть свадебного обряда двух стран.

К наиболее ярким особенностям китайских свадебных песен можно отнести, во-первых, их юмористический характер, оригинальность, торжественность, страстность, во-вторых, – богатство содержания, универсальность, сохранение древних преданий и легенд, в-третьих, – разнообразие форм и уникальность стиля. Кроме того, они постоянно вбирают в себя самое лучшее из других культур, что позволяет непрерывно обогащать собственное культурное наследие.

В китайской свадебной обрядности песни имели большое значение. Невесте не полагалось покидать женскую половину дома, с того момента, как был установлен день свадьбы. Эти дни она проводила в обществе подружек, которые провожали ее в новую семью. По обычаю она должна была причитать и плакать, выражая свою скорбь по поводу расставания с родными. Во многих районах невеста и ее подружки пели песни, в которых содержалась брань по адресу сватов и семьи жениха и даже будущего мужа, носившую, впрочем, игровой характер.

Во время свадебных процессий в традиционной китайской свадьбе обычно исполняются танцы льва или китайского единорога,

символизирующего удачу, процветание, деловую репутацию и доброжелательность. Ранее танец льва содержал несколько этапов и выполнялся двумя людьми, прятавшимися под костюмом. Два других участника отплясывали вокруг импровизированного льва, выделявая сложные и красивые трюки лентами и веревками. Ход времени и истории постепенно меняли движения в танце.

В настоящее время можно разделить современный танец льва на два разных стиля: Северный и Южный. Северный стиль образовался из танца, которым развлекали имперский суд. Цвета северного льва – красный, оранжевый и желтый (с зеленым мехом для львицы). Северный лев был космат и имел золотую голову. Стоит отметить, что данному стилю также присущи опасные трюки. Южный танец льва более символический. Его обычно использовали и используют для изгнания злых духов и привлечения удачи и благосостояния. Костюм южного льва очень красочен, на морде изображаются очень большие глаза, характерно наличие зеркала во лбу и одного небольшого рога в центре головы.

Народная хореография занимала видное место в свадьбе белорусов. «Часто все виды народного искусства сливались в единый поток, – пишет Б. Смольский, – чтобы усилить и обогатить обрядность, внести в нее театральные элементы. Эта характерная черта, свойственная белорусскому народному творчеству, ярко проявилась в свадебном обряде, который отличался обилием песен, танцев, диалогов, сложной сменой разнохарактерных сцен, большим количеством участников» [6].

В записях этнографов можно найти сведения о танцах, исполнявшихся на свадьбах в Минской, Могилевской и Витебской губерниях: в селе Семежево Слуцкого уезда Минской губернии, например, плясали «Барыню», «Польку», чаще всего «Казака», в Горецком уезде Могилевской губернии – танец «Верабей». М.В. Довнар-Запольский называет много танцев, но чаще танцевали «Казачка», «Лявоніху». На свадьбах плясали также «Мяцеліцу», «Чыжыка», «Трасутку», польки типа «Скакухі» с припевками, кадрили и другие танцы. Интересны импровизированные танцы каравайниц во время выпечки свадебного карая. В Лидском уезде Виленской губернии, по сообщению П.В. Шейна, «когда каравай замесят, то две девки берутся за руки накрест через квашню и пляшут около нее...» [6]. Здесь можно отметить, что ритуальное значение свадебной выпечки, о которой поется во многих свадебных песнях двух стран, свойственно и для китайской культуры (такая выпечка называется «Дракон и феникс», свадебная выпечка должна быть больших размеров и многослойной – символ счастья и достатка семьи).

Свадебные обряды у белорусов и китайцев сохранили связь с древними ритуалами, отражающими самобытность, неповторимость культуры каждого народа и вместе с тем космическое единство человечества, закодированное в древних ритуалах, организующих сакральные моменты жизни.

При всей важности значения песен и танцев в обрядности белорусской и китайской свадьбы, их функциональное назначение все же разнится. У белорусов танцы и песни были направлены усилить и обогатить свадебную

обрядность, внести в нее театральные элементы. В китайской обрядности песни передавали эмоциональный характер невесты, танец имел более символическое значение, его обычно использовали и используют для изгнания злых духов и привлечения удачи и благосостояния. Важной особенностью обрядности двух народов были песни-причитания – тексты, исполняемые невестой, охватывающие близкий ей круг тем, описывающие ее переживания и чувства.

1. Арсентьева, И.И. Традиционная и современная китайская свадьба / И.Арсентьева // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра. Вып. 9. – 2011. – С. 175-177.

2. Казакова, И.В. Белорусская и китайская свадьбы: сравнительный аспект / И.В. Казакова // Пути Поднебесной: сб. научных трудов. Вып. 3. В 2 ч. Ч. 1 / редкол.: А.Н. Гордей (гл. ред.) [и др.]. – Минск: РИВШ, 2013. – С. 324–334.

3. Лянькан, Ц. Записки о музыке, перевод и комментарии / Ц. Лянькан. – Пекин : Жэньминь иньюэ, 1980. – 211 с.

4. Карский, Е.Ф. Белорусы: В 3 т. Т. 3, кн. 1. Очерки словесности белорусского племени / Е.Ф. Карский; предисл. к третьему тому И.Н.Запрудского и др., коммент. к первой книге И.В. Казаковой. – Минск : БелЭн, 207. – 2007. – 584 с.

5. Вяселле: Песні. У 6-ці кн. Кн. 6 / склад. Л.А. Малаш; муз. дадат. З.Я. Мажэйка; рэд. А.С. Фядосік. – Мінск : Навука і тэхніка, 1988. – 664 с.

6. Чурко, Ю.М. Белорусский хореографический фольклор / Ю.М. Чурко. – Минск : Вышэйшая школа, 1990. – 415 с.

Л.Ф. КОСТЮКОВЕЦ: У ИСТОКОВ МУЗЫКАЛЬНОЙ МЕДИЕВИСТИКИ В БЕЛАРУСИ

Дожина Н. И.

*кандидат искусствоведения, доцент,
зав. кафедрой теории музыки и музыкального образования
УО «Белорусский государственный университет культуры и искусств»
(Республика Беларусь, г. Минск)*

Истоки музыкальной медиэвистики как области музыкознания в Беларуси берут свое начало в 80-90-е годы XX века и связаны с именем выдающегося белорусского ученого-музыковеда Ларисы Филипповны Костюковец (1939–2014). Значение Л.Ф. Костюковец для развития белорусской музыкальной науки трудно переоценить – доктор искусствоведения, профессор Белорусской государственной академии музыки, член союза композиторов Беларуси, автор множества научных и методических работ, монографий, учебных курсов и т.д. Но имя Л.Ф. Костюковец известно в Беларуси и за ее пределами, прежде всего, как ученого-этномузыколога и фольклориста – исследователя, практика, педагога. На протяжении почти полувека она преподавала в Белорусской Государственной консерватории (с 1999 г. – БГАМ), с 1972 г. была бессменным научным руководителем фольклорно-этнографических экспедиций со студентами БГАМ в различные регионы Беларуси и прилегающие к ней районы России и Украины, записав свыше 16200 образцов народных песен и 500 инструментальных наигрышей на народных инструментах. С 1982 по 2000 г.